ИСТОЧНИКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Марина САВЕЛЬЕВА
кандидат экономических наук, доцент РАНХиГС при Президенте РФ

Конкурентоспособность российских регионов беспокоит как научных работников, так и государственных управленцев высшего звена. Споры о выборе стратегии – ориентации на передовой зарубежный опыт Японии, Южной Кореи и Тайваня или выработка собственного пути – идут уже много лет. В последнее время активно обсуждается позиция ученых о необходимости развития системы институциональных экономических изменений [1].

Концепция выращивания институтов предполагает систематические усилия и затраты на основе продуманных программ реализации желательных институциональных изменений. Это не конечные, закрытые программы, в зависимости от обстановки возможна их корректировка. Для разработки таких программ необходимо понять, насколько российские регионы восприимчивы к зарубежному и отечественному передовому опыту, новым мировым тенденциям в данной области и распространено ли среди российских регионов стремление к созданию уникальных конкурентных преимуществ. При этом оба аспекта не исключают, а, скорее, дополняют друг друга.

Наиболее информативным приемом в исследовании данного вопроса мог бы быть обзор практики бенчмаркинга, но так как информация о данной деятельности в российских регионах публикуется не часто и не регулярно (в отличие от зарубежных стран [2, 3], это мешает сделать выводы системного характера. Поэтому остается анализировать косвенные аспекты, например участие регионов в международных и межрегиональных ассоциациях.

На сегодняшний день существует девять межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия, охватывающих всю территорию России: Ассоциация «Большая Волга», Дальневосточная ассоциация экономического взаимодействия, «Северный Кавказ», Ассоциация экономического взаимодействия территорий северо-запада Российской Федерации, «Большой Урал», Межрегиональная ассоциация «Сибирское соглашение», «Центральная Россия», «Черноземье», Ассоциация инновационных регионов России. Первые восемь почти забыты СМИ, последняя же была образована в 2010 г. с целью обмена накопленным опытом в сфере создания благоприятной правовой, экономической, социальной, творческой среды для развития инноваций на территории Российской Федерации. Важно, что участие в межрегиональных ассоциациях создает возможность для обучения передовому опыту развития конкурентных преимуществ. Однако подтверждения о реализации этих возможностей российскими регионами в прессе не встречаются.

Другой стороной исследуемой темы является инновационная восприимчивость региона. В большинстве работ она представлена как создание условий для реализации инноваций, генерируемых внутри него [4, 5]. Однако целесообразно также выделить и внешнюю инновационную восприимчивость (**рисунок**).

В первом случае инновационная восприимчивость регионов характеризуется такими показателями, как:

– доля занятых исследованиями и разработками в процентах к общему числу занятых;

– удельный вес инновационно-активных организаций в общем их числе;

– доля основных фондов исследований и разработок в общей их стоимости;

– затраты на технологические инновации в процентах к ВРП;

– внутренние затраты на исследования и разработки в процентах к ВРП;

– доля инновационных товаров, услуг, работ в ВРП;

– удельный вес экономически активного населения в общей численности населения;

– региональное нормативное поле;

– инфраструктурное обеспечение [4, с. 68].

Во втором случае – это усвоение передового опыта других регионов или новшеств, поступающих от федеральных органов власти или структур, специализирующихся в данной области. Охват обоих аспектов инновационной восприимчивости способствует непрерывному инновационному процессу и формированию уникальных конкурентных преимуществ регионов.

Для нас представляют интерес показатели инновационной восприимчивости региона, отражающие целенаправленную деятельность региональных органов власти по развитию конкурентных преимуществ, основанных на генерировании и внедрении инноваций. Это – наличие регионального нормативного поля, регулирующего инновационную деятельность, и ее инфраструктурное обеспечение.

В подавляющем большинстве российских регионов существуют нормативно-правовые акты, регулирующие данную сферу. Исключение составляют Алтай, Ингушетия, Калмыкия, Карелия, Мордовия, Карачаево-Черкессия и Чечня, а также Курская, Псковская, Ярославская области, Ненецкий и Чукотский автономные округа. Особого внимания заслуживают субъекты, нормативно-правовая база которых выходит за пределы концептуального определения инновационной политики региона (Москва, Санкт-Петербург, республики Башкортостан и Дагестан, Воронежская, Иркутская, Кемеровская, Свердловская и Челябинская области). Их нормативно-правовая база, помимо концептуальных аспектов инновационной политики, содержит нормы, регулирующие осуществление государственных целевых программ в данной области, регламентирует вопросы финансирования инноваций и регулирует создание и функционирование особых экономических зон.

Развитие инновационной инфраструктуры базируется на повышении концентрации присутствующих в ней организа-

Рисунок. Виды инновационной восприимчивости региона

ций, что увеличивает возможность для генерирования и реализации инноваций. Среди регионов по данной характеристике отличаются Москва (181 организация инновационной инфраструктуры), Санкт-Петербург (48), Республика Татарстан (37), Воронежская (28), Московская (41), Нижегородская (27), Ростовская (28), Свердловская (37), Томская (26) области [6].

Вместе с тем инновационная деятельность не стала решающим условием формирования конкурентоспособности российских регионов. В качестве факторов, препятствующих данному процессу, обозначаются:

– общая тенденция к снижению инновационной активности в промышленности у большинства российских регионов;

– медленное формирование оптимальной структуры источников финансирования инновационной деятельности на предприятиях;

– низкая доля государства в финансировании НИОКР и внедрении их результатов (6-9%);

– незначительные налоговые и иные льготы для предприятий, реализующих инновационные проекты;

– недоступность для большинства предприятий банковских кредитов на инновационную деятельность;

– недостаток собственных финансовых средств у предприятий;

– несовершенство законодательства в части гарантии инвесторам, правового регулирования отношений по поводу интеллектуальной собственности;

– неурегулированность взаимоотношений предприятий с научными организациями и венчурными структурами [7, с. 149].

Данный вывод подтвержден инновационным профилем, составленным рейтинговым агентством «Эксперт РА» [8]. В соответствии с ним Россия значительно преуспевает по таким показателям, как доля патентов, разрабатываемых за счет финансирования из-за рубежа; доля НИОКР, финансируемых иностранными компаниями; количество научных сотрудников на 1000 занятых; научные звания по естественным и инженерным специальностям (% от общего числа присвоенных научных званий); доля населения от 25 до 64 лет, имеющего образование выше среднего. В то же время наблюдается значительное отставание России от стран ОЭСР по показателям общих затрат на НИОКР (% от ВВП); доли общих затрат на НИОКР, финансируемых промышленностью; количеству триадных патентных семей на миллион населения; количеству научных статей на миллион населения; доли компаний, производящих инновационную продукцию (% к общему числу компаний); доли компаний, осуществляющих нетехнологические инновации (% к общему числу компаний).

Однако есть две характеристики российских регионов, которые могут стать источником развития их уникальных конкурентных преимуществ: активизация процесса создания территорий инновационного развития и достаточно высокий уровень организации научных исследований [7, с. 153]. В пользу первой характеристики говорит то, что сейчас в России насчитывается около 70 административно-территориальных образований с высоким научно-техническим потенциалом. В Московской области 29 таких образований, в Челябинской области – 5, в Свердловской и Новосибирской областях – по 4, в Нижегородской и Ленинградской областях и Красноярском крае – по 3, в Ярославской, Томской, Тверской и Владимирской областях – по 2, в Ульяновской, Тамбовской, Пермской, Пензенской, Омской, Калужской, Иркутской, Астраханской, Архангельской областях, Краснодарском, Хабаровском и Алтайском краях, городах Москва и Санкт-Петербург – по 1 образованию [9]. Из них к наукоградам, согласно Федеральному закону «О статусе наукограда», относятся 14 городов. Как видно, основная доля административно-территориальных образований с высоким научно-техническим потенциалом расположена в Центральном, Сибирском и Уральском округах.

Вторая характеристика – положительная отдача от инвестиций в НИОКР, наблюдаемая в подавляющем большинстве регионов (в 60 из 83). На каждый рубль, вложенный в данную сферу, в среднем по России приходится примерно два рубля инновационных товаров, работ, услуг, несмотря на невысокий уровень финансирования научных исследований и разработок (1,5% от валового национального продукта в 2009 г. [10]. В США этот показатель достигает 2,6%, в Германии – 2,5%, в скандинавских странах – более 3% [11]).

Полагаем, что конкурентоспособность российских регионов вытекает во многом из накопленного во времена существования СССР научно-технического потенциала, сконцентрированного в некоторых административно-территориальных образованиях, а также из эффективной организации научных исследований. Для усиления данного потенциала и трансформации его в преимущество необходимо:

1. Увеличение финансирования НИОКР.

2. Активное создание и развитие инновационной инфраструктуры (создание бизнес-инкубаторов, технопарков, венчурных фондов и т. д.).

3. Концентрация усилий власти на стимулировании частных инвестиций в данную сферу, поддержании стремления отечественных изобретателей в получении международных патентов и поощрении научно-изыскательской деятельности, на внедрении инноваций.

Особую актуальность в реализации научно-технического потенциала регионов приобретает объединение усилий и интересов научных, негосударственных (общественных) и управленческих организаций. В связи с этим необходимо организовать эффективную коммуникацию посредством участия органов власти в форумах, обсуждениях, блогах, профессиональных сообществах, в создании различных интеграционных структур, сетей общественных и научных организаций, характеризующихся общей системой коммуникаций, постоянным обменом различного рода ресурсами.

Разнообразие и контрастность российских регионов также могут стать источником их конкурентных преимуществ: у каждого субъекта свои методы, формы и направления развития, использование нетрадиционных подходов к решению данной задачи. Например, системного, интеграционного, комплексного, динамического, воспроизводственного, процессного, нормативного, количественного, маркетингового, ситуационного, поведенческого. Их сочетание создает больше возможностей для формирования уникального конкурентного преимущества.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В формировании конкурентоспособности российских регионов важно обозначить усиление их инновационной восприимчивости, характеризуемой как способность применять внутренние и внешние новшества. Это положительно скажется на непрерывном инновационном процессе и формировании уникальных конкурентных преимуществ регионов. Источниками конкурентных преимуществ российских регионов являются наличие территорий инновационного развития, достаточно высокий уровень организации научных исследований, разнообразие и контрастность.

Литература

1. *Полтерович В.М.* Элементы теории реформ. М.: ЗАО Издательство «Экономика», 2007.
2. *Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д.* Маркетинг мест. Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге. 2005.
3. Опыт города Шарлотт. «Дорожная карта» преобразования и повышения эффективности системы городского управления / Д. Марсталл, Д. Боргсдорф, Э. Блайденберг и др. М.: ЗАО «Олимп – Бизнес», 2010.
4. *Владимирова О.Н.* Методические под-

ходы к формированию рейтинга инновационной восприимчивости региона // Инициативы XXI века. 2010. № 4-5.
5. *Гусев А.Б.* Формирование рейтингов инновационного развития регионов России // Инновационная политика и проблемы развития НИС. URL: http://www.riep.ru/works/almanach/0008/almanach0008_158-173.pdf
6. Наука и инновации в регионах России. URL: http://regions.extech.ru/regions/regions.php?frommenu=1
7. Проект Концепции государственной политики развития наукоградов Российской Федерации как составной части национальной инновационной системы в 2003 г. Сайт Наука и инновации в регионах России. URL: http://regions.extech.ru/naukgr_doc/concep.php
8. Инновационная активность крупного бизнеса. Рейтинговое агентство «Эксперт РА». URL: http://www.raexpert.ru/researches/expert-inno/part1/
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010.
10. *Татаркин А.И.* Формирование конкурентных преимуществ регионов // Регион: экономика и социология. 2006. № 1.
11. Выйти из кризиса умным. В 2011 году РАН увеличит расходы на исследования и повысит зарплаты ученым // Российская газета. Федеральный выпуск. 2011. № 5378(2). 12 января.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИДЕОЛОГИИ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Татьяна СТЕПАНЕНКО
аспирантка РАНХиГС при Президенте РФ

Стремление к деидеологизации общественной и государственной жизни, начавшееся с отмены конституционного положения о руководящей и направляющей роли КПСС, было обусловлено острыми политическими и экономическими кризисными явлениями, к которым привела внутренняя политика СССР, основанная на следовании постулатам теории и практики социалистического и коммунистического строительства.

Прошло уже почти два десятилетия с того момента, как Конституция Российской Федерации 1993 г., стремясь избежать повторения идеологического опыта СССР, отреклась от государственной идеологии вообще, закрепив в ст. 13 положения о том, что в Российской Федерации признается идеологическое многообразие и никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

Некоторые авторы позитивно оценивают конституционное закрепление принципа политического многообразия, видя отличительную особенность конституционного строя и конституции в том, что они имеют надидеологическую направленность. Так, О.Г. Румянцев отстаивает надидеологическую природу конституционного строя, считая, что процесс деидеологизации значительно повлиял на выработку нового научного аппарата конституционного права, новой терминосистемы [1]. М.В. Баглай считает, что государство не должно вмешиваться в идеологическую полемику, разрешать теоретические споры, так как в свободе научной мысли заключается важная гарантия существования человеческого общества, именно в этом главная причина признания Конституцией принципа идеологического многообразия [2]. По мнению А.И. Кравца, в странах, давно признавших свободу слова и мнений, отсутствует потребность специального закрепления принципа идеологического многообразия, российская же специфика правового и политического развития в течение длительного времени в условиях идеологической монополии потребовала создания особых конституционных положений, гарантирующих идеологический плюрализм [3].

Однако, на наш взгляд, простой юридический запрет на государственную идеологию сам по себе не может обеспечить реальную деидеологизацию общественной и государственной жизни. Дело в том, что идеология является необходимым атрибутом каждого государства, поскольку «отсутствие национальной идеологии деформирует в известных пределах национальный менталитет, лишает его самобытности» [4].

Несомненно, любая политическая власть не может существовать без социальной поддержки, она нуждается в признании своего авторитета, основанном на доверии со стороны большинства членов общества. Принципы и идеалы, проводимые властью в процессе реализации государственной политики, должны быть близки и понятны населению страны: даже при отсутствии официально установленной идеологии государственным служащим, органам всех ветвей и уровней власти приходится руководствоваться принципами и идеями, заложенными в Конституции, объяснять смысл своих действий, давать комментарии по поводу событий, происходящих внутри страны и за ее пределами, объяснять целесообразность создания тех или иных правовых норм, принятия тех или иных решений. Следовательно, в любом государстве возникает система представлений, дающих оценку совершаемым политическим действиям в части принятия либо непринятия их населением, соответствия либо несоответствия этих действий и решений определенным сложившимся представлениям общества о порядке реализации государственной политики, проведения реформ, функционирования государственной власти в целом, даже при том условии, что на государственном уровне закреплен принцип отказа от государственной идеологии.

Указанные представления могут быть несистематизированными, противоречивыми и разрозненными, они могут постоянно меняться в зависимости от политической обстановки. На государственном уровне может пропагандироваться тотальное идеологическое многообразие, но, тем не менее, указанные представления всегда присутствуют в любом государстве, они представляют собой определенный политический образ жизни общества, играют системообразующую роль в его становлении и развитии. «Государственная идеология в любой из ее форм является столь же неотъемлемым признаком всякого государства, как общепризнанные признаки, такие, как государственный суверенитет, территория, право, механизм управления. Ослабление идеологических основ гибельно для государства» [5].

Общество и государство не могут существовать без идеологии: чтобы влиять на развитие друг друга, они должны иметь концепцию развития, удовлетворяющую каждого, которая, в свою очередь, выступает результатом их совместного выбора, в том числе определенные идеологические установки, находящие свое выражение в Конституции и других законах. В связи с этим можно утверждать, что и процесс государственного управления должен быть обусловлен строгим целеполаганием, основываться на заранее определенных целях и задачах, быть понятным и принятым участниками политического процесса, а также соответствовать общепринятым иде-